

КАМЧАТКА

Литература • Краеведение

2012

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»

2012

ББК 84 (2Рос-рус)6
К18

КАМЧАТКА

Составитель А. А. Смышляев

Литература • Краеведение

2012

На обложке — акварель из альбома «Восточная война»,
Флоренция, 1856 год. Бомбардировка Петропавловска-Камчатского

ISBN 978-5-87750-234-5

©Холдинговая компания
«Новая книга», 2012
©Авторы, 2012

Евгений КОПТЕВ

НОЧНАЯ ОХОТА

Повесть

1

Пурга неторопливо вышла из своего жилья. Занимались ранние сумерки зимнего вечера. Только у самой поверхности жёсткого снега держалось белое свечение и тальниковые кусты на противоположном берегу скованной льдом реки виднелись отчетливо и хорошо различались. Лёгкими тенями в кустах снуёт стая куропаток.

Нынешним пристанищем Пурге служила полузасыпанная снегом дощатая будка с ветхим потолком и щелястыми стенами, где летом, вероятно, хранились лодочный мотор и прочие металлические предметы, а теперь было пусто и зябко. Всё можно было бы терпеть: прохудившуюся крышу, постоянные сквозняки, — всё, кроме ядовито-въедливого запаха бензина, опорожненных водочных бутылок и той давящей неуютности, какая селится в брошенных помещениях. Конечно, в иное время Пурга побрезговала бы подобной конурой... Что поделаешь, то было в прежней, счастливой жизни. Теперь все круто изменилось, она довольна и этим жилищем. Да и где найдёшь лучшее? Зима выдалась на редкость морозной даже для здешних, север-

ных краев, и все мало-мальски подходящие уголки были прочно обжиты бездомными псами.

Пурга сидела подле будки, недоверчиво слушала вечер. Неподалеку сердито бормотала река. Видно, и ей нелегко дышалось под этакой толщей снега и льда – вот она и ворочалась на галечной постели. На том берегу, где в тальниковом молодняке кормились куропатки, от их неосторожных прикосновений слабо позванивали обледенелые ветки. Позади будки, в посёлке, под ногами пешеходов зло взвизгивал и сухо скрипел снег, оттуда доносились отрывистые голоса людей, струились дразнящие запахи; там беззаботно лаяли собаки – так, ни на кого и ни о чём, лишь бы хозяева слышали их старательные голоса и ладно...

Над крышами домов торжественно и спокойно поднимался дым, упираясь в пасмурное небо, и, глядя на эти дымы с неизбывной собачьей тоскою, Пурга почувствовала свою неприкаянность.

В этом ненадёжном, всеми ветрами продуваемом сооружении, Пурга определилась на жительство в ту печальную для неё пору, когда однажды крепкие и добрые руки Хозяина утратили обычное своё тепло и весь он стал чужим и холодным. Он навсегда ушёл из жизни, растворившись в мглистых далях предзимней тундры. И теперь, спустя много времени, картины пережитого нередко являлись в беспокойные собачьи сны, и Пурга беспомощно сучила лапами, по-щенячьи взвизгивала, а проснувшись, долго искала Хозяина среди встречных людей.

Пурга направилась к посёлку. Она привычно свернула на боковую тропку, проторенную среди высоких сугробов потемневшего от угольной пыли леса и низкорослых домишек с горбами запурженных крыш. Из таинственных глубин дворов вслед ей раздавалось ленивое ворчание цепных псов. «Не замай нашего!» – звучало предупреждение. Вскоре тропа вывела её на широкую улицу, освещённую фонарями, и Пурга затрусилась обочиной, пристально всматриваясь в лица встречных людей, надеясь отыскать среди них своего Хозяина.

– Какая собачка – прелесть! – запричитала женщина, укутанная в искрящиеся соболя. От неё, как и от Ирины, пахло знакомым запахом духов, и Пурга удивлённо остановилась. – Иди, иди, миленькая, ко мне!

Нет, это была вовсе не Ирина. Сиротская жизнь, пусть и срав-

нительно недолгая, успела сделать Пургу нелюдимкой, но в голосе женщины слышались тёплые нотки, и лайка приветливо шевельнула пушистым хвостом.

— Ой, мамочка! У тебя глаза волчьи! Ступай, ступай... Какой ужас, какой ужас! — поминутно оглядываясь, женщина торопливо удалилась.

Пурга внимательно обследовала знакомые помойки, утолила сосущий голод. Тамошние завсегдатаи — подобные ей бродяжки — поначалу встречали лайку враждебным урчанием. В ответ она молча скалила сахарной белизны молодые зубы, и собаки уважительно уступали ей место.

Из тундры нахлынула ночь, улицы посёлка постепенно обезлюдели. Крадучись, Пурга подошла к дому своего Хозяина — своему дому. Затаившись в тени дощатого забора, долго смотрела на освещённое окно, ожидая, не мелькнет ли там знакомая тень.

Нет.

Теперь здесь жили чужие люди, и окна отливали холодом. Постояла и вновь затрусила на помойку. Вдруг неподалёку грохнул выстрел. По звуку лайка безошибочно узнала ружьё своего Хозяина. Он! Ему нужна помощь! Сильными и точными прыжками Пурга перемахнула несколько заборов и узким проулком понеслась к пустырю.

— Вовка, ещё одна! — окрик и — острое жало огня! Торопливый выстрел хлестнул по спине, Пурга инстинктивно присела и, чувствуя, что сейчас произойдёт нечто страшное, юркнула за длинный ряд тёмных, пропахших солёной рыбой и берёзовыми дровами сараев.

Вернувшись в будку, свернулась калачиком в уголке и перво-наперво старательно облизала саднящие раны. К счастью, дробь прошла по касательной, лишь оцарапала кожу и крови почти не было. В посёлке прогремел новый выстрел. Предсмертно-тоскливо взвыла и тут же захлебнулась собственным криком собака. Наступила неустойчиво-хрупкая тишина. Стало отчётливо слышно, как под полом скребутся прожорливые мыши. Надо было встать, слазить туда, навести порядок, но где об этом думать — сама стала мышью! Через небольшое отверстие в стене струился слабенький свет: ночные снега подсвечивали холодную тяжесть темноты, и в этой глухой темноте заскрипели шаги.

Пурга насторожилась.

— Я точно знаю — тут она хоронится!

— Не горячись — видишь, дверь на замке.

— Замок — видимость: пробой вынимается. Проверим для полной ясности. Звякнул промерзший металл. Пурга тихо встала и, припадая животом к доскам, бесшумно скрылась в проломе пола. С визгом распахнулась дверь, над головой у собаки заскрипели доски. Вспыхнул карманный фонарик. Его бегающий лучик принялся воровато обшаривать будку.

— Пусто, сеньор следопыт. Вот тебе и шапка, милейший! Я тебя, козла, русским языком просил — дай ружьё! Заладил — сам, сам... Надо поменьше языком мести. Коль на животине кому-то приглянулась шкура — это пока не шапка. Пора понять эту арифметику. Видите ли, он, пижон, вздумал своему шефу потрафить! Лично мне хотелось бы видеть его в лагерной шапке!

— Заткнись, Бога ради! Он тебя самого туда вместе с потрохами отправит. И пикнуть не успеешь... Интересно, куда она могла скрыться? Хитра, тварюга.

Свет фонарика проникал через щели в полу, и Пурге стало невмоготу слушать оглушающий скрип шагов над головою, ленивую перебранку. Тугой пружиной она метнулась в распахнутую дверь, в спасительные объятия темноты.

— Вот она!

Поздно! Пурга успела проскочить открытое пространство замерзшей реки, достичь кустов. Хлестнул выстрел. Опередив его на мгновение, собака скрылась за высоким застругом, и картечный заряд хищно прошелестел над нею. Качнулась срубленная ветка, шумно захлопали крыльями вспугнутые куропатки.

Лайка глубоким руслом ручья волчьим наметом пошла в тундру.

Всё дальше и дальше уходила Пурга от людных мест в ночную тундру, как от лютой смерти, бежала она от человека. И теперь единственной, пусть и непрочной ниточкой, связывающей собаку с людьми, был образ её Хозяина, рядом с ним вставала Ирина, и лайка всею кожей ощущала прикосновение заботливых и добрых рук женщины, и теплее становились ночные просторы тундры.

Из прошлого выплывали картины того памятного дня.

Погода, пасмурная и ласковая, такая нередко случается в здешних местах в начале ноября. Вдвоём с Хозяином они идут по влажной тундре, и первый, ещё не прочный снежок хрумкает под резиновыми подошвами сапог. С левой, северной, стороны угрюмистая высокая сопка, покрытая непролазной чащобой кедрового стланика, справа робким зайчонком петляет ручеёк и лежит ровная тундра. По обыкновению, Пурга рысит впереди Хозяина, радуясь долгожданной свободе: наконец-то, после томительного сидения на постылой цепи, она вдоволь поохотится. А то, что в тундру они идут надолго, Пурга поняла ещё дома, видя сборы Хозяина: в объёмистый, насквозь пропахший зверьём и кострами рюкзак он старательно уложил торбаса, пачки сигарет, пёстрые коробочки чая. Управившись с делами, он туго завязал рюкзак, отнёс его к двери, закурил и остановился перед большой настенной фотографией.

— Вот такие, значит, хреновые наши дела, Иришка! Теперь тебе одной придётся домоседить... — Немного помолчал и тише добавил: — Дела, как сажа бела...

Лёжа на медвежьей шкуре, Пурга внимательно слушала сето-

вания Хозяина и в знак полного согласия и понимания легонько постукивала хвостом, вспоминая добрую Ирину. Она умела весело смеяться и непременно угощала чем-либо вкусным... Ирины давно нет, она улетела на самолёте. И вовсе незачем ей было улетать, лучше бы здесь жила. Втроём им было очень хорошо. Хозяин просил её не улетать. Не послушала, скрылась в большом городе...

Идти им оставалось самую малость: вон там, меж двух крутолобых сопок, они поднимутся на перевал-тягун, спустятся в берёзовую долину, где всегда, даже в пору глухих ненастий, бывает светло и по-домашнему уютно. Придут в землянку, Хозяин растопит печку, вскипятит чай, наварит пахучей и очень вкусной каши... Переночуют в тепле и завтра, на ранней зорьке, отправятся в излюбленные места охотиться...

Вот тогда-то Пурга заживёт настоящей жизнью зверовой собаки.

От недалёких кедрачей тянет тихим и влажным ветерком, и вдруг резкий, словно удар, запах зверя наполняет ноздри. Пурга словно каменеет, мускулы её напрягаются.

— Спокойно, милая, спокойно! — чуть дрогнувшим голосом шепнул Хозяин, снимая с плеча двухстволку. Уловив это и движение и приняв его как одобрение, Пурга опрометью бросилась навстречу запаху. Сделав несколько широких прыжков, вновь замирает возле опушённого снегом кедрача: где-то здесь притаился зверь! Его запах дурманит, властно зовёт на поединок. Инстинкт, переданный Пурге по длинной цепочке поколениями зверовых собак, подсказал: берегись, в кедраче медведь чувствует себя вольготно, а ты, запутавшись в хитросплетениях корней и веток, лишишься своего главного превосходства — подвижности, и станешь легкой добычей хитрого зверя. Выжидая удобный момент, Пурга превращается в ком злобы и мускулов.

Возможно, Хозяин и не стал бы вязать себе руки зряшной охотой и увёл бы Пургу от этого злополучного места, но случается непредвиденное: на узкой прогалине возникает годовалый медвежонок. Увидев собаку, он резко поворачивается и, подкидывая куцехвостый зад, что есть мочи припускает в гору. Пурга бросается следом. И напрасно Хозяин надрывается криком и руганью, зовёт собаку — ничего больше она не воспринимает: трусливо под-

жатый хвостик медвежонок заслоняет собою весь остальной мир, поглощает другие звуки и запахи. И когда до зверёныша остаётся несколько прыжков, позади один за другим торопливо грохочут выстрелы; Хозяин страшно кричит и становится тихо. Пурга на миг останавливается, и медвежонок растворяется в спасительных объятиях кедровых.

Чувствуя неладное, Пурга бросается назад, к Хозяину. Беззвучно падает редкий крупный снег. На верхушках тальниковых кустов зловеще темнеют всевидящие вороны – тундровые санитары.

Хозяин лежит ничком, уткнувшись лицом в окровавленный снег; на спине у него уродливо горбится рюкзак. Кожа на голове сорвана и закрывает глаза. От красного черепа струится лёгкий парок. Правая рука выброшена вперед, точно он пытается приподнять с глаз кожу, осмотреться, кликнуть Пургу...

Вдруг лайку охватывает непонятный, доселе неведомый ей страх, она глухо, с хрипотцой рычит, крадучись приближается к Хозяину, обнюхивает его голову, раз-другой ласково лижет руку. Рука не шевелится, не отвечает привычным поглаживанием, оставаясь непривычно-чужой, и эта непривычность ещё больше настораживает Пургу, она вновь рычит, пятится...

Опустившись на снег, долго сидит неподвижно, временами просяще поскуливая. Хозяин безучастен к настойчивым призывам собаки. В тальниковых кустах шумит ветер, нагоняя дремоту. Пурга клюет носом и тут же вскидывает голову, осматривается и вновь погружается в тягостное оцепенение.

Частыми, крупными хлопьями снег падает на рюкзак Хозяина, превращая его в белый холмик. Ветер прогоняет с кустов назойливых ворон. Пурга терпеливо ждёт, что Хозяин вот-вот встанет с холодной земли, отряхнётся от липкого снега, шутливо ругнёт наступившее ненастье и они отправятся к себе в землянку готовить ужин.

Вскоре из крутящейся белой мути доносится отдалённый гул. Он всё нарастает, подавляя другие звуки, и сквозь снегопад проступают, увеличиваясь в размерах, два светлых, знобко вздрагивающих пятна. Пурга вскакивает, угрожающе рычит, чувствуя собственное бессилие перед чёрным чудищем. А оно, тяжело отфыркиваясь, по-хозяйски неторопливо вползает на пригорок.

Подавленная светом и гулом, Пурга шаг за шагом отступает, стараясь сделать, быть может, последнюю услугу Хозяину – прикрыть его собой... Вездеход останавливается, слабо урча мотором. Из него выпрыгивают на снег люди.

– Братцы, Пурга! – удивлённо восклицает один. – Это наша, поселковая, Андрюхи Полуднева собачка! Как она тут очутилась? Пурга, Пурга, иди сюда!

В ответ собака виновато шевелит хвостом, как бы приглашая людей подойти поближе и посмотреть, какое нехорошее дело произошло с Хозяином...

– Да он и сам тут! – все обступают лежащего.

– Кажется, готов. Успел остыть.

– Медведь?

– Он. Больше некому. Не повезло мужику: осенью баба смотала удочки, теперь сам споткнулся... Куда ты смотрела, куда смотрела, раздолбайка паршивая?

– Оставь собачку... Надо бы той девахе сообщить.

– На деревню дедушке? Да и кто она ему? Подруга на одно лето... Брось чудить. Садитесь, поехали...

Трясая темнота в душном, насквозь пропахшем бензином и папиросным дымом кузове вездехода. Неподвижной колодой Хозяин лежит на полу, укутанный в мокрый брезент, и каждый сильный толчок машины швыряет его на ноги сидящим. Люди тяжело молчат. Часто вспыхивают спички, спелой брусникой светятся вздрагивающие огоньки папирос. С утробным подвыванием ревёт мотор, по бортам брезентового кузова хлещут голые ветки...

Вот так Пурга и осиротела. Навсегда. Только голос Хозяина продолжает звучать в её памяти, и она всею кожей чувствовала суровую доброту его заботливых рук...